

ила — период Хиландарского литературного кружка, где выделяется своей переводческой деятельностью архиепископ Никодим, изысканный стиль которого прекрасно представлен его длинной записью на сгоревшем в 1941 г. автографе Иерусалимского типика. К этому же периоду относится особый литературный жанр, который до сих пор не принимался во внимание, — арэнги государевых грамот. Акты короля Милутина конца XIII и начала XIV в. дают примеры оригинального творчества, в котором глубина религиозного чувства соединяется с умелостью композиции и утонченным литературным языком, где по примеру бесконечных периодов византийских царских грамот все чаще входят в употребление длинные сложные предложения, в которых иногда чувствуется и «плетение словес».

В следующем периоде сербского царства, в третьей четверти XIV в., сербская литература выступает с рядом анонимных авторов летописей, отдельных «похвал» и с несколькими именами талантливых писателей и отличных стилистов. Между ними встречаем попа Иоанна с Синая, автора «Словес душеполезных» — «сербское утешение, цветник благодати»; Хиландарца Иакова, переводчика Олимпиодоровых толкований на Книгу Иова; Давида, автора сочинения о патриархах земли сербской; епископа Марка, автора биографии патриарха Ефрема, и других, которые записали свои имена на рукописях. В число мастеров стиля необходимо внести старца Исаию, прославившегося переводом творений Дионисия Ареопажита с знаменитой записью о битве на Марице 1371 г. Согласно данным, которые А. Х. Востоков привел о рукописи Румянцевского музея с болгарским правописанием, и данным, которые известны о болгарском правописании в Берлинской рукописи, считалось, что этот писатель был болгарин. Между тем, как я уже и ранее обратил на это внимание, его запись не содержит ни одного болгаризма, а кишит русизмами, которые вполне понятны ввиду его двадцатилетнего управления Русским монастырем на Афоне. Что же касается самого текста перевода, то древнейший список его, хранящийся в собрании Гильфердинга (ГПБ), представляет чистую сербскую редакцию. Эта рукопись принесена из Колашина (в Черногории) и, согласно водяным знакам, относится ко времени около 1370 г., т. е. могла бы представлять и автограф самого Исаии. Язык его записи, потрясающий по силе описания страданий Сербской земли после Маричской катастрофы, представляет замечательный пример изысканного агиографического стиля со всеми особенностями, которые характерны для литературы «второго южнославянского влияния». Он говорит о своей слабости и неподготовленности; пользуется цитатами из св. Писания и трафаретными выражениями, стилистическими фигурами псалтирного типа, синонимами, сравнениями, контрастами, метонимией и т. д.; употребляет составные эпитеты и кальки греческих выражений; прекрасно справляется с нюансами в звуковых оттенках слов, в этимологии и семантике, которыми характеризуется стиль «плетения словес». Подобную изысканность стиля находим мы в записи о Коссовской битве<sup>183</sup> и в некоторых других, особенно же в похвале князю Лазарю, написанной монахиней Евфимией. Болгарская стилистика, выработанная в школе патриарха Евфимия, а по всей вероятности в переводческих и оригинальных трудах его предшественников, в частности в области житийной и исторической литературы, как в переводе Хроники Манассии около 1340 г.,<sup>184</sup> по своему характеру представляла совершенно

<sup>183</sup> Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. III, № 4946.

<sup>184</sup> См. M Weingart. Byzantinské kroniky v literaturé církevněslovanské Bratislava, 1922, стр. 191—215.